

Николай Якуненков

Сказка о пяти волшебниках

6+

Николай Анатольевич Якуненков

Сказка о пяти волшебниках

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32506825

SelfPub; 2018

Аннотация

В далеком королевстве жили пять волшебников. Их умения и знания почитались среди жителей и поощрялись на государственном уровне, принося богатство и спокойствие. Но тут им был брошен серьезный вызов, способный поколебать как основу их магического искусства, так и сами устои королевства, и кем брошен... обычным крестьянином.

Сказка о пяти волшебниках

В одном далеком королевстве, где-то на самом краю земли, жили пять волшебников. Они были братьями и так совершенно не похожи друг на друга, что многие не могли поверить в их родство.

Самого старшего звали Гула, и он очень любил поесть, мог едой наслаждаться хоть целый день напролет. Гула был очень толст, передвигался на ногах очень тяжело, а когда ворочался во сне на своей дубовой кровати, то треск пружин под ним был слышен во всех окрестных домах. И учил он всех искусству поглощения и наслаждения пищи.

Второго по старшинству брата величали Аварус. Этот волшебник слыл великим богачом, таким, что сам король нередко просил у него займы денег, правда, под очень большие проценты. Аварус круглыми сутками проводил время среди своих сундуков с драгоценностями и золотыми монетами, которые просто ломились от избытка хранимого, пополнявшегося неизменно каждый день. Но наступал редкий период времени, когда он появлялся среди жителей королевства для обучения искусству накопления богатства, и, причем, щедро делился своими огромными познаниями. Аварус и Гула были очень близки как родственники, постоянно навещали друг друга и помогали по мере надобности: старший – продуктами, которые умел сотворить хоть из воздуха, а второй по старшинству брат – некими суммами денег,

плывшими ему сами по себе в руки.

Средний брат-волшебник носил имя Ирий. Он был очень ворчлив и всегда вступал в конфликты, даже с самим королем, после чего монарх даже запретил ему появляться вблизи своего дворца и произносить его имя вслух всем своим гражданам. Ирий на данное повеление венценосной особы жутко обиделся и переселился жить в горы, на самый край опасного утеса, построив там свой домик с высокими стенами. Братьев он просто на дух не переносил, терпеть их не мог, и это чувство к собственным единокровцам, казалось, было рождено вместе с ним.

Вэнит был четвертым братом и очень кичливым. Ни дня не проходило, чтобы он кому-нибудь не преминул напомнить с восторженным видом о своем высоком статусе волшебника. Если он выходил прогуляться по городской улице, то его можно было без труда заметить еще издалека, такое самодовольство излучало его лицо, что оно прекрасно гармонировало с теми пышными и яркими нарядами, облаченные на его низкорослое тело. Такого счастливого щеголя трудно было не заметить. А если кто-нибудь Вэнита останавливал с неким вопросом, то он, прежде чем держать какой-либо ответ, всегда давал понять вопрошающему с кем тот имеет честь сейчас разговаривать, и эта многословная тирада могла продолжаться не одну минуту. Вот таким честолюбивым был четвертый брат-волшебник.

Пятый же и младший из всех братьев носил имя Супер-

бай. Он считался самым любимым ребенком у родителей, поэтому ему было все дозволено с раннего детства. Любой каприз, любое несусветное его желание всегда исполнялись отцом и матерью так быстро, что, казалось, луч света гораздо медлительнее их ретивых действий в угоду ненаглядного отпрыска. Уже повзрослев, Супербай отличался от других несговорчивым характером, в основе которого жило полное неприятие каких-либо авторитетов. Он ни с кем никогда не здоровался, и даже ни малейшей благосклонности не выказывал, когда его приветствовали горожане. Свое искусство он передавал только тем детям и подросткам, которых считал хоть сколько достойными находиться с ним рядом.

Все пятеро братьев слыли очень уважаемыми волшебниками королевства, и каждая семья считала за большую честь отправить своих детей на обучение к кому-нибудь из них. Не была исключением и королевская семья, которая попросила, не смотря на взаимное неприятие, среднего Ирия о воспитании королевича, единственного наследника престола, столь тонкому волшебному искусству, каким он владел в совершенстве. Тот принял того в обучение, но прежде как следует вычитав сутки напролет «непочтительного и вредного монарха нашего гниющего королевства» за все свои истинные и мнимые обиды, которые нанесла ему венценосная семья, отдалив от дворца и сделав отшельником.

Но вот как-то в королевстве родился у семьи крестьян сын. Родился и родился, мало ли рождается детей-мальчи-

ков в столь благополучном королевстве... Но самое примечательное случилось позже, когда при наступлении семилетнего возраста отец ребенка в ответ на присланный Министерством Образования бланк направления для поступления на обучение к одному из волшебников написал, что мальчик не будет проходить учебу ни у одного из них. Для Высоких Чиновников то был настоящий казус, подобного в практике системы образования никогда не случалось, ведь каждый ребенок королевства просто обязан был пройти учебный курс волшебства в познании одного из видов магического искусства, иначе по общественным меркам государства он считался не готовым к взрослой жизни. Так продолжалось десятилетия, то было залогом процветания королевства, ибо Высоким Ученым Советом на основе множества научных исследований было доказано, что применение в жизни этих так пяти чтимых волшебных искусств дает гражданам высокий уровень благосостояния, а королевству – счастливое и довольное жизнью население.

Для Министерства Образования королевства отказ отца семилетнего мальчика явился настоящим ударом по всей системе подготовки будущих и перспективных граждан, а для государства – сильным колебанием самих устоев его процветающей жизни. Никто из Высоких Чиновников не знал даже как реагировать на данную ситуацию, ведь подобного в истории общества никогда не было. Был созван Большой Совет, который заседал весь вечер и всю ночь в поисках выхода из

ситуации и осмысления такого поступка отца ребенка. И ни к чему не пришли, кроме того, чтобы поутру послать Посланника к крестьянину для выяснения причины отказа от обучения у одного из пяти великих волшебников, приносящих колоссальную пользу своему государству. Королю с оповещением с неприятной новостью решили пока повременить, вдруг все образуется. Но не успело пройти и часа, как удрученный Посланник был уже в приемной Министерства, где вышедшим к нему в спешке членами Высокой Коллегии заявил дрожащим голосом, что непокорный отец мальчик сам решил его воспитывать и обучать волшебному искусству. А на вопрос какому и что это такое за волшебное искусство, крестьянин лишь с улыбкой помотал головой и скрылся за дверью дома, оставив Посланника в недоумении на улице догадываться о том, что же имел мужчина ввиду.

Решено было Высокой Коллегией Министерства Образования столь печальную новость об отказе от обучения в срочном порядке донести до сведения пяти братьев-волшебников.

Огорчились волшебники, Ирий даже в гневе рукой разбил о пол свою самую любимую и красивую черную вазу, и порешили собраться вместе, чтобы идти к дому того крестьянина для выяснения полных обстоятельств вопиющего случая, а также узнать, что за новое такое волшебное искусство появилось, которым он владеет.

И вот когда стало заходить солнце за горизонт и все в де-

ревне готовились ко сну, в дверь крестьянской избы раздался громкий и требовательный стук. То братья-волшебники пожаловали со срочным визитом к отказавшему им в обучении своего отпрыска крестьянину. Но им не сразу открыли дверь, поэтому последовал новый град нетерпеливых ударов снаружи дома. Послышался неспешный топот, идущий из глубины избы. Дверь с мягким скрипом распахнулась, и братья увидели перед собой среднего роста мужчину с короткими, вьющимися на концах светлыми волосами на голове.

– Что вам угодно, уважаемые господа великие волшебники? Что вас привело сюда в предночной час всех пятерых? – проговорил крестьянин, стоя на пороге, и тут же добавил. – Ааа...кажется, догадываюсь... Вы, наверно, по вопросу моего отказа в обучении моего сына у вас? Что ж, скажу заранее, своего решения на этот счет я менять не намерен.

– Это почему? – воскликнул Вэнит, подступаясь ближе к мужчине. – Вы сомневаетесь в силе наших волшебных знаний? Ставите под вопрос самую основу подлинного счастья всего населения королевства?

– Немедленно отвечайте! – не вытерпел Ирий, и лицо его начало наливаться бордовой краской. – Разве вы не видите, кто пожаловал к вам в столь поздний час!?

Но тут закрыл собой тела говорящих братьев вышедший вперед, тяжело ступая, старший Гула:

– Успокойтесь, почтенные волшебники. Думаю, мы все это вскорости выясним, но для начала давайте познако-

мимся с тем, с кем имеем честь сейчас разговаривать. Нас, подразумеваю, вам нет смысла представлять, мы очень знамениты в своем королевстве, так назовитесь теперь вы по имени.

Он поднял самодовольно голову вверх, ожидая исполнения своей просьбы, Ирий позади него приглушенно фыркнул, а Супербай недовольно поджал тонкие бледные губы.

– Меня зовут Симплик, – крестьянин без тени смущения облокотился спиной о дверь и принял расслабленную позу, предвкушая бесполезность будущей беседы. – Мое имя – самое обычное, но я горд им. Я считаю его одним из прекрасных на свете. Да, господин Гула, мне ваши имена, регалии и заслуги перед короной превосходно известны. Вы уважаемы и ваше мнение всегда авторитетно. Но, дабы не превращать данную встречу в бесконечный разговор с различными междометиями и эмоциями, хочу предупредить, что не намерен менять своего решения по отказу обучать сына вашим волшебным искусствам, к этому мы с женой пришли еще до его рождения, то есть больше семи лет назад. И все ваши доводы, Гула, Ирий, Супербай, Аварус, Вэнит, – он каждому названному им волшебнику уважительно поклонился головой, – считаю полностью непригодными ни для моего разума, так и для будущего моего сына.

– Это почему ты так решил, неразумный!? – не утерпел молчавший до того Вэнит, и борода его судорожно задрожала от злости. – Ты имеешь еще наглость дерзить тем, благо-

даря кому твоя семья сейчас живет, не испытывая нужды?

Симплик оттолкнулся спиной от двери и выпрямился, весь его вид говорил о непоколебимой решимости и уверенности в собственной правоте:

– Вы, уважаемые господа волшебники, носители пяти волшебных искусств, ваши имена, данные вам при рождении родителями, ярко говорят о тех знаниях, которыми вы в совершенстве владеете, оберегаете и щедро передаете подрастающему поколению. Гула – мастер обжорства, ест по часу во время завтрака, обеда и ужина; Аварус – очень алчный, его стихия – звон золотых и серебряных монет в сундуках, заполнившие весь его дом; гнев Ирия заставил даже нашего монарха выпустить высочайший указ, ограничивающий его присутствие вблизи дворца; острое тщеславие Вэнита вышагивает впереди своего хозяина, оно пронзает все вокруг, стоит только Вэниту ступить на сбитые камни улицы; а Супербай, еще, видимо, с молоком матери впитал в себя искусство высокомерия. Нет, достопочтенные господа волшебники, я пришел к выводу, что ваши волшебные знания не есть самые главные и нужные моему мальчику. Существует единственно нужное волшебство, которое, как кровь и плоть, должно быть усвоено сыном и сопровождать его на протяжении всей жизни. Вы бы тоже могли бы его познать при желании, но, боюсь, это будет тщетно, так как оно вступит в конфликт с вашими познаниями волшебства. Мне больше нечего вам, гости, сказать, поэтому делайте выводы, и мой ответ, общий

для всех, звучит так: «Я не отдам никому из вас своего сына на обучение!»

С этими словами Симплик отворил дверь собственного дома и быстро скрылся за ней, громко щелкнув засовом и оставив братьев-волшебников в обескураживающем состоянии после таких высказанных им слов.

–Эй, Симплик негодный! – рванул было к запертой двери Вэнит и коротко, но достаточно громко, чтобы внутри услышали, постучал в нее. – Скажи же хоть, что это за искусство такое, ценимое тобою выше нашего? Симплик! Отзовись!

Но ответом ему была только тишина, красноречивая и тяжелая для сердец братьев.

Волшебники еще ни разу не встречали за всю свою длинную жизнь столь наглого и непочтительного обращения. Они даже под действием нахлынувших болезненных эмоций собирались разнести в щепки, буквально голыми руками, небольшой дом крестьянина, а разгорячившийся было от нанесенной обиды Ирий пошел еще дальше со своим предложением вообще поджечь и спалить дотла жилище дерзкого отступника. Но то было бы уже преступлением, порочащим честь и репутацию высокого государственного звания волшебник. Потому очень быстро, правда, путем невероятных усилий, братья заставили себя успокоиться, и началось дружное обсуждение того, как им следовало дальше поступить, ибо с положением отвергнутых каким-то крестьянином со странным именем учителей не собирались.

Тогда, собравшись полукругом возле разоженного прямо за забором двора Симплика костра, братья стали держать совет, как им поступить дальше, чтобы спасти свою пошатнувшуюся было репутацию. После часового жаркого обсуждения, где высказывались многие и даже самые невероятные по своей изобретательности предложения по дальнейшим действиям, было положено воздействовать на самого сына Симплика для того, чтобы он наперекор воли отца выбрал обучение у одного из них. И приступили к действиям...

Едва заметная земляная дорога причудливо петляла по окраине густого леса, словно обрисовывала границу его владений. С другой ее стороны находилось широкое бело-желтое поле с густыми посевами пшеницы. Солнце было в зените, щедро одаряя теплом и светом всех, кого могло коснуться своими жгучими лучами.

Где-то глубоко в чаще леса упоенно щебетала незримая птица, добавляя в летнее спокойное перекачивание тишины новые краски звуков. Слабый ветер мягко клонил набухшие семенами колосья в сторону, создавая по всему пространству поля ощущение зыбкого морского бриза.

Но тут в эту прекрасную картину пригожего летнего дня вмешался новый звук. Некто, не различимый даже ловким лучам солнца, вел сам с собою оживленную беседу, а звонкий и тонкий голосок, приправленный напускным тоном серьезности, говорил о том, что он принадлежит ребенку. Дей-

ствительно, занавес из крайних к дороге колосьев резко расступился, и к дороге вышел маленький мальчик на вид лет около семи. Перепачканный от ягод красный рот и пыльные, соломенного цвета, волосы ярко контрастировали в его облике.

– Ты не сможешь меня одолеть, сэр Гейвик, так как я хоть и не крепок физически, зато силен духом правды.

– Не думаю, что твой правдивый дух поможет тебе с достоинством держать свой меч против моего, сэр Айвил, – другим уже тоном громко произнес мальчик, явно изображая уже другого собеседника в столь жарком диспуте. – Смотри же как...

Тут ребенок осекся, неожиданно для самого себя вдруг оказавшись на открытом пространстве дороги и чуть не потеряв равновесие, ступив ногой в углубление колеи. Он в нерешительности посмотрел по сторонам, выбирая, куда бы ему направиться, как в нескольких шагах от него приземлилась диковинная птица с ярким радужным оперением. Она замерла, с осторожностью поглядывая на ребенка, тоже сделал и мальчик. Так продолжалось короткое время, по истечении которого ребенок широко по-доброму улыбнулся птице, аналогично, как ему показалось, сделала и она. Легкий взмах разноцветных крыльев, и удивительное животное приземлилось ему на плечо, мягко впившись когтями в серую крестьянскую рубашку свободного покроя. И черные бусинки птичьих глаз нагло уставились в небесного цвета глаза

мальчика, будто что-то хотели сказать в этот момент, что-то очень срочное. Подул слабый теплый ветерок. Он взъерошил и поднял вверх радужные перья удивительной птицы. И вдруг...они загорелись ярким желто-красным пламенем, так ярко и ослепительно, что даже свет солнца вокруг померк. И, обдав могучим жаром, горящая птица устремилась в полет, в чащу леса, оставив после себя огненно-золотистый шлейф в воздухе.

Обуреваемый испугом за бедное животное, а заодно и любопытством, мальчик устремился вслед за ней, прорываясь сквозь неподатливые ветви кустарника и деревьев. Продираясь вглубь чащи и вызывая своими движениями резкий треск, он, наконец, натолкнулся на широкую и светлую поляну, где посередине нее на толстом и расстеленном узорчатом ковре находились всевозможные кондитерские изделия от дорогих конфет, аккуратно разложенных по глубоким вазочкам, до шоколадных фигурок различных зверей, возвышающихся над ковром аж на полметра. И все это изобилие венчал большущий бисквитный торт с неподдающимся счету количеством слоев. Во главе этого изумительного «стола» восседала та самая не так давно вдруг неожиданно загоревшаяся птица, но уже в белоснежном оперении и ростом с человека. Ребенок был поражен увиденным, но еще больше его поразило то, как сидела птица. Подбоченившись и скрестив перед собой лапы, ее легко можно было принять за какую-нибудь важную особу из человеческого рода, если бы не

ее внешний вид, указывавший на пернатое происхождение.

Птица жестом обеих крыльев пригласила мальчика к трапезе, затем проговорила грубым человеческим голосом:

– Прошу со мной отведать все эти прелести. Здесь все для тебя. Можешь есть столько, сколько заблагорассудится, никто не будет тебя останавливать. Это – благодарность за участие в моей судьбе, которое оказалось приятно моему сердцу.

Мальчик удивленно посмотрел на огромную птицу, пытаюсь принять разумом то, что, оказывается, некоторые птицы владеют речью, по крайней мере, очень большие, и с недоверием произнес:

– Мои родители строго-настрого запретили заводить разговор с незнакомцами, и это не говоря о том, чтобы я с ними сидел за одним столом, вернее, ковром.

– Так давай познакомимся, мой юный друг. Меня зовут Аргут, и я царь всех птиц от крайнего севера до незримого юга. А как твое имя?

– Гауди! – звонко выдохнул ребенок.

– Вот видишь, теперь мы познакомились, и я для тебя уже не такой незнакомый. А теперь я настоятельно прошу скорее отведать вот эти изумительные кушанья, которые я приготовил специально для тебя, ведь ты очень устал на прогулке по полю и необходимо быстрее подкрепиться. Ты ведь голоден, я прав?

– Да, – ответил Гауди, со смущением приближаясь к ков-

ру со сладкой едой. – Скажи, Аргут, пожалуйста, а что все птицы на самом деле умеют разговаривать как ты?

Клюв Аргута исказило некое подобие улыбки, граничащее с презрительной усмешкой, что мальчику очень не понравилось:

– Нет, не умеют. Такое позволить могут себе только цари, но они способны также и к мышлению аналогично людям, а иной раз и превосходят их в этом.

– Забавно, – Гауди осторожно взял в руки конфету в блестящей обертке, медленно развернул ее и откусил маленький кусочек шоколадной глазури. Приятная терпкость обвязала тонкие алые губы и язык, скользнула по небу, устремляясь дальше по горлу. Ууу, как вкусно! Мальчик откусил еще один кусок конфеты, уже побольше, затем еще один. И вдруг он почувствовал себя совершенно сытым. Но соблазн съесть конфету целиком, а потом и другую, а за ней и третью охватил его разум цепкими объятиями.

Улыбающийся и смотревший за этим действием Аргут едва заметно закивал головой, всем своим видом подбадривая Гауди:

– Смелей, все, что находится здесь только для тебя, мой юный друг. Достаточно лишь протянуть руку. Я бы порекомендовал попробовать вон того шоколадного петушка с высоким гребешком, он просто сногшибательно вкусен.

Мальчик посмотрел на царя птиц, у того глаза прямо светились радостью. Но эта радость была какая-то неестествен-

ная, замкнутая на самом себе, тщеславная радость одержанной победы над желаниями ребенка. Гауди стало не по себе от этого выражения птичьего «лица», и он, не задумываясь, выплюнул остатки разжеванной конфеты изо рта. Быстро вытер губы рукой.

– Что такое? Что случилось? – воскликнул Аргут, медленно приподнимаясь на своих лапках. – Тебе сладость не по вкусу пришлась?

– Я уже не голоден, – ответствовал Гауди. – Я больше не хочу есть. Огромное вам спасибо, царь птиц.

– Ты даже не притронешься к остальным сладостям? Попробуй хотя бы этот прекрасный торт, он был специально испечен в тот час, когда я узнал о том, что живет на свете такой замечательный мальчик, как ты, – и Аргут крылом, словно пушинку, подхватил сверкающее под лучами солнца многослойное произведение кулинарного искусства.

– Спасибо, но я уже сыт, – снова прозвучало в ответ на столь заманчивое предложение.

И тотчас мощный удар брошенного в лицо Гауди торта едва не сбил того с ног. Лицо оказалось полностью испачканным в шоколадном бисквите, глаза слиплись. Гауди быстро смахнул с лица липкую массу и, видя, как Аргут яростно запустил крылья в вазу с конфетами, чтобы совершить новый атакующий бросок, побежал, что есть сил прочь от царя птиц. Слезы обиды наворачивались на глаза, но он сумел их сдержать. Ой!.. Гауди с силой ударился головой в перьевой

живот Аргута. Бросился в другую сторону. И снова его преследователь оказался перед ним уже с замахнувшимся крылом. Еще миг, и целый град конфет накрыл ребенка с головы до ног.

– Стой, негодник! Я все равно заставлю тебя все это попробовать! – ревел в воздухе голос царя птиц, и окрас его перьев преобразился в черный цвет, а клюв стал ярко-красным. – Ты от меня так просто не отвяжешься! Ну как мои сласти? Нравятся?

Гауди бросился было назад от преграждающего мощной перьевой стеной Аргута, но тот снова каким-то образом появлялся перед ним. Куда бы он ни кинулся, большая птица с пышным оперением была уже там. И тут отчаяние поразило бедного ребенка. Смесь из пробуждающихся приступов слез и злости комом начала пробуждаться в его юной груди. Но, быстро взяв себя в руки, Гауди рукой подхватил с земли пригоршню разбросанных конфет и занес ее над своей головой, готовый отправить все это в нападавшего.

Вновь нехорошая улыбка исказила клюв Аргута, образовав омерзительную гримасу. Царь птиц замер, выжидая следующее действие мальчика. Но неожиданно ребенок разжал ладонь руки, и конфеты с мягким шелестом мнущейся обертки посыпались на землю. Аргут сокрушенно опустил голову и в следующее мгновение исчез, словно растворился в воздухе.

Измученно наблюдая все это, Гауди не верил своей свобо-

де. Затем, немного придя в себя, он быстро отряхнул свою одежду и побежал искать дорогу, простирающуюся возле самого леса, туда, откуда не так давно пришел сюда.

Мальчик знал, что она огибает пшеничное поле и ведет напрямиком в деревню. И он стремглав помчался домой, к родителям, дабы рассказать какое приключение с ним произошло. Высохшая, но все такая же липкая от торта, кожа на лице неприятно стягивалась, вызывая легкий зуд. Ничего, лишь бы добраться до первого колодца, а там уж быстро приведу себя в порядок.

«Ты молодец, – вдруг раздался, казалось, прямо в самой голове чей-то радостный голос. – Как невероятно стойко ты парировал желания этого царя птиц. На такое способен лишь по-настоящему взрослый и мужественный мужчина».

«Совершенно согласен, – вторил ему другой голос, похожий на детский, прозвучавший внутри сознания Гауди. – Он просто герой! Так противостоять Аргуту, это уму непостижимо! Bravo!»

Мальчик остановился и осмотрелся вокруг. Никого. Неужели кто-то нагло и без всякого спроса засел в его голове и теперь решил завести с ним разговор?

– Эй, вы кто такие, что смеее находитьсся внутри моей головы!?! – вскричал Гауди, судорожно потирая виски липкими ладонями. – И как вы туда попали, как посмели?

Но таинственные голоса и не собирались отвечать мальчику, они спокойно продолжили свою беседу:

«Гауди, прекрасный и отважный мальчик», – проговорил первый голос.

«Да, мне бы быть таким, – отозвался на эти слова второй. – Я бы, наверно, горы свернул, имея хоть чуточку от его победоносного характера».

«Слава герою! Слава победителю царя птиц!»

«А я бы за такой славный подвиг попросил у отца серебряную монету, – возник новый уже голос, более жесткий и грубый, чем два предыдущих. – И за каждый подобный серьезный поступок всегда бы получал вознаграждение, что позволило, повзрослев, стать уже достаточно состоятельным человеком».

«Да, это было бы настоящим делом».

– Нет! – вскричал Гауди и закрыл уши руками, а сомкнувшиеся веки покраснели от напряжения. – Замолчите немедленно! Уходите!

«Я бы теперь гордо ходил по королевству после одержанной победы», – не унимались голоса, и мальчик ощутил, как в прикрытых ладонями ушах щекотно и одновременно неприятно засвербело.

«Нет, гордость без богатства – тщетная штука. Звонкая монета всегда вес человеку добавляет, расчищает для него место в обществе».

«Не спорю, звонкая монета делает выше остальных смертных».

– Ааааа! – не имея сил больше слышать этот странный

диалог таинственных созданий и не отпуская рук от головы, Гауди со всех ног помчался в деревню в поисках спасения, быстрее к своему дому.

Почти летя, мальчик не видел ничего вокруг и остановился только тогда, когда, едва не снеся шаткую калитку, ворвался в свой двор и уперся головой в жесткий живот отца.

– Папа, я больше не могу! – взмолился Гауди. – Они постоянно болтают в моей голове! Кто-то поселился там и изводит меня. Помоги, папа!

Симплик встревоженно приподнял голову сына, внимательно ее осмотрел, затем мягко улыбнулся и вытащил из правого уха ребенка большое пушистое перо цвета радуги. И уронил его на землю. Перо тотчас пожухло, сморщилось по краям и превратилось в пепел, будто брошенное в пылающий костер.

– А сейчас как? – Симплик с любовью посмотрел на мальчика.

– Все, их больше нет. Спасибо, папочка.

Отец наклонился и нежно поцеловал сына в щечку:

– Я всегда с тобой, моя радость.

Первые утренние лучи коснулись лица Гауди, мальчик открыл после сна глаза и потер их пальцами. Он прислушался к звукам в комнате. Тишина, только отец негромко разговаривает с кем-то на улице. Так это был всего лишь сон? Неприятный, ужасный, но такой яркий сон? Фууу... Как здорово,

что все было не по-настоящему.

Гауди резво соскочил со своей кровати и побежал босиком к низкому окошку, желая узнать какая сейчас утром на улице погода. Но про эту затею ему пришлось быстро забыть, так как его внимание сразу привлекло то, что происходило во дворе дома. Его отец стоял в окружении пяти мальчишек возраста Гауди, и он с ними вел некую беседу. Мальчик подступил к приоткрытой входной двери, чтобы одним глазком выведать о ранних гостях, и его слуха коснулась неторопливая отцовская речь:

– Я очень рад, что вы здесь собрались просить моей помощи в обучении, братья-волшебники, – проговорил Симплик, потерев рыжеволосого мальчика за его худенькое плечо. – Вы можете и даже, скажу больше, имеете право потребовать ее от меня. А все сделаю, чтобы научить вас всему, что знаю и умею.

– Господин Симплик, – воскликнул круглолицый толстячок, потеряв рукой веснушчатый и крючковатый нос. – Так как же все-таки называется ваше волшебство, ваше дивное искусство?

Отец Гауди медленно присел на корточки и, глядя задумчивым взором мимо спросившего мальчика, произнес тихим и вкрадчивым голосом:

– Ооо, это древнее искусство, зародившееся еще при первых людях, и имя ему – человечность.